

Анатолий Алексеевич БУРЦЕВ

Якутск, Российская Федерация

Доктор филологических наук, профессор, академик
Академии наук Республики Саха (Якутия)

Диалог культур на территории Республики Саха (Якутия)

В XX в. мир испытал трагедию некоммуникабельности, следствием которой стали войны, межнациональные конфликты, геополитические катаклизмы, не раз сотрясавшие человечество.

Сегодня, в начале XXI столетия, стало окончательно ясно, что преодоление трагедии толерантности возможно прежде всего через утверждение такого фундаментального закона человеческого бытия и культуры, как диалогизм.

Сама по себе идея диалога в разное время высказывалась многими мыслителями – М. Бубером («Я и Ты»), Х. Ортега-и-Гассетом («Задачи нашего времени»), Г. Марселем («Метафизический дневник») и другими, но наиболее глубоко концепция диалогизма как закона человеческого бытия и культуры обоснована русским ученым М. М. Бахтиным [1]. В своих исследованиях творчества великих художников слова – француза Ф. Рабле, немецкого поэта И. В. Гете, своего соотечественника Ф. М. Достоевского – он убедительно раскрыл огромные, поистине безграничные возможности словесного искусства для осознания толерантности как общечеловеческой ценности. Более того, М. М. Бахтин фактически доказал, что диалогизм – это своего рода парадигма гуманитарного знания и вообще основа «нового мышления», которое исходит из признания тесной взаимосвязи микрокосма человека и макрокосма мира, материального и духовного фактора, экономики, политики, культуры и нравственности, прошлого, настоящего и будущего.

Что касается проблемы диалога культур, то за последнюю четверть века она привлекла повышенное внимание ученых и общественности. Существует целый ряд определений понятия «диалог культур». Одно из наиболее удачных принадлежит В. В. Миронову: диалог культур – это «познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу» [2].

Причины особого интереса к вопросам культуры связаны с современными глобализационными, а именно с геополитическими и социальными процессами и катаклизмами, которые привели к массовому перемещению людей и,

следовательно, соприкосновению культурных общностей, а также появлению невиданных ранее возможностей международного и межкультурного общения.

Действительно, глобализационные процессы меняют условия существования человека, прежде всего молодого человека, только выбирающего свою стезю в жизни. Сегодня, когда идет процесс разрушения традиционной модели жизни и изменения самого типа цивилизационного развития, возникает опасность так называемого «футурошока», то есть одиночества и страха человека перед будущим. Подобная угроза вызывает необходимость психологической защиты личности, воспитания человека, способного ориентироваться в современном динамичном, многомерном мире и решать сложнейшие социальные, гуманитарные и экологические задачи. В этом отношении более уверенным и приспособленным к сложным реалиям современной действительности представляется человек, опирающийся на родную культуру.

Неслучайно во многих регионах мира происходит возрождение национальных культур. Еще в XIX в. возникла теория «скандинавизма», то есть особого пути скандинавских народов. В начале XX в. заговорили о культурной и ментальной общности народов Средиземноморья. Сегодня на Британских островах налицо ситуация, позволяющая говорить о «кельтском» ренессансе.

У нас, в Республике Саха (Якутия), тоже происходит возрождение национальных культур и языков. Поэтому нельзя было найти более подходящего места для проведения конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве», чем наша республика. Якутия исторически складывалась как «страна диалогов», контактов и симбиозов культур, языков, рас. Более того, существует основанная на материалах стоянки Диринг-Юрэх концепция академика Ю. А. Мочанова, согласно которой якутская земля является одной из возможных прародин человечества.

Сама идея «диалога культур» ложится у нас на хорошо подготовленную почву. Традиционная якутская формула приветствия «Кэпсиэ!» («Расскажи!», «Что нового?»), феномен «хора» в национальных танцах «осуохай» и «сэдьэ», установка на диалог с природой, выражающаяся в обряде «кормления огня», в различных подношениях и дарах, — все это свидетельствует о том, что диалогизм заложен в самой ментальности народов Севера.

После присоединения Якутии к Российскому государству в первой половине XVII в. сведения о северном крае, быте и культуре якутов стали постепенно распространяться как внутри страны, так и за границей. В XVIII в. Академия наук организовала ряд экспедиций с целью изучения истории и географии Сибири. В числе участников этих северных экспедиций, не только осу-

ществлявших естественнонаучные исследования, но и собиравших этнографический и фольклорный материал, были служившие в России датчане В. Беринг и М. Шпанберг, шведы С. Ваксель и П. Ласиниус, немцы И. Гмелин и Г. Стеллер. В 1831 г. немецкий поэт-романтик А. Шамиссо написал поэму «Изгнанники». Она состояла из двух частей: первая представляла собой вольный перевод поэмы К. Рылеева «Войнаровский», вторая была посвящена А. Бестужеву, отбывавшему ссылку в Якутии. В 1851 г. появилась написанная на немецком языке академиком О. Бетлингом первая грамматика якутского языка. В конце XIX в. большую роль в изучении этнографии и фольклора якутов сыграли поляки В. Серошевский и А. Шиманский. Так складывались предпосылки для культурных связей Якутии с зарубежными странами.

Что касается современной якутской культуры, то сегодня происходит ее переход от стадии «принимающей» к стадии «транслирующей» [3]. Об этом свидетельствуют успехи якутского театра, балета, музыкального и изобразительного искусства. Секрет этого явления заключается в том, что современное искусство народа саха, подобно некоторым другим «молодым» культурам народов Латинской Америки, Африки, Востока, питается живительными традициями фольклора, мифологии, даже таких экзотических феноменов, как шаманизм, и именно оттуда черпает жизненную силу, энергию, первозданную свежесть.

Еще одним знаменательным событием, свидетельствующим об огромном диалогическом потенциале культуры народов Республики Саха (Якутия), явилось признание ЮНЕСКО якутского героического эпоса олонхо шедевром устного нематериального наследия человечества.

Именно материал словесного искусства может служить прекрасной иллюстрацией к проблеме диалога культур на территории Республики Саха (Якутия). Исследование литературных связей становится актуальнейшей задачей современного литературоведения, так как это позволяет включить литературные произведения каждого отдельного народа в общий контекст мирового литературного процесса, не выпуская в то же время из поля зрения отличий и своеобразия национального художественного развития.

Потребность в изучении международных связей якутской литературы продиктована стремлением рассмотреть произведения якутских писателей в широком историко-литературном контексте, поиском новых подходов к изучению их творчества, необходимостью дать правильное истолкование того, на какой основе, на каких традициях она возникла и развивается. Это позволяет глубже понять ее историческое место, роль и стоящие перед ней задачи [4].

Постановка и попытка решения проблемы международных связей якутской литературы невозможна без использования принципов историко-типологического анализа. Старая компаративистика, усматривая причины сходства художественных явлений исключительно в непосредственных связях, каких-то контактах, «бродячих сюжетах» или мифологических архетипах, совершенно не учитывала того обстоятельства, что сходства в сфере художественного творчества могут быть вызваны совпадением условий, единством исторических судеб народов, общностью стадий историко-культурного развития. Иными словами, предпосылкой успешного действия сравнительного метода служит отказ от разного рода монистических теорий типа «замкнутых цивилизаций» или «закупоренных сосудов», возрождающих тезис о культурном изоляционизме, и, напротив, признание целостности мировой культуры.

В якутской науке вопросы развития литературно-художественных связей стали интересовать исследователей во второй половине прошлого века. Но следует отметить, что это относится преимущественно к русско-якутским контактам и влияниям. До недавнего времени якутская литература в контексте мировой культуры специально не изучалась. Причиной тому служили жесткие идеологические установки и догмы, которые долгое время были приметой всего советского литературоведения.

Идея единства мировой культуры получает убедительное подтверждение на материале типологических схождения между якутским героическим эпосом и эпическими песнями многих других народов мира. Причем речь идет не столько о связях олонхо с такими близкими по генезису и типологии памятниками, как богатырский эпос тюркских народов, сколько о параллелях с кельтскими сагами или древнескандинавской «Старшей Эддой». Эти параллели прослеживаются, как показано в работах В. М. Жирмунского [5], Е. М. Мелетинского [6], Н. В. Емельянова [7] и других ученых, на разных уровнях – сюжетостроения, образной системы, эпического «этикета».

Якутские олонхо, которые стали сегодня достоянием зарубежных читателей, по своему художественному статусу выдерживают сравнение с любыми образцами мировой эпической поэзии. К примеру, «Нюргун Боотур Стремительный» П. Ойунского вполне сравним с такими памятниками мировой литературы, как «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели или «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло.

Устное народное творчество, а также традиции русской классической литературы стали питательной почвой, на которой возникла собственно якутская художественная литература. Сам опыт возникновения и развития якутской литературы при всем его уникальном характере, по-видимому, имеет типологически сходные черты с процессом литературного развития не только в пределах России («младописьменные» литературы), но и в ряде стран Латинской Америки и Африки.

Что касается русской культуры вообще и литературы в частности, то ее общеизвестная «отзывчивость» нашла блестящее подтверждение на примере взаимоотношений с литературой народов Якутии. Не случайно она привлекла пристальное внимание основоположников якутской литературы. А. Кулаковский (1877–1926 гг.) начал свою творческую деятельность с сочинения, посвященного анализу «главнейших достоинств поэзии Пушкина». Сохранились также его рабочие тетради, своеобразные читательские дневники, свидетельствующие о том, что он очень вдумчиво и серьезно воспринимал произведения Лермонтова, Кольцова, Никитина, Некрасова.

Кулаковский был современником и, надо полагать, свидетелем русского духовного ренессанса, охватившего философию, науку, искусство и литературу в конце XIX – начале XX в. Он жил в одно время с В. Соловьевым, Н. Бердяевым, Н. Федоровым, В. Вернадским, поэтами «серебряного века».

Для Кулаковского как поэта-мыслителя вообще характерно грандиозное пророческое начало. Эта устремленность вперед, пафос будущего сближает его с классической русской литературой. «Русская литература – самая пророческая в мире, – писал Н. Бердяев, – она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе».

Поэма Кулаковского «Сновидение шамана» (1910 г.) является самым пророческим произведением якутской литературы. Это, с одной стороны, обобщение всей национальной духовной культуры, а с другой – попытка охватить философским взором судьбы человечества в целом и родного народа в частности. В самой ее жанровой природе, в которой слились воедино черты средневекового «видения», шаманского камлания-пророчества, современной поэмы-концепции, налицо синтезирующее начало. Именно силой своего таланта, чутким сердцем поэта Кулаковский предугадал фатальную угрозу войны, нависшую над человечеством. В его поэме поражает прежде всего сам масштаб художественного видения мира, достигающий «ноосферного» уровня. В этом плане грандиозные картины общечеловеческого развития, тема противоборства добра и зла, пророчества гибели всей земной цивилизации роднят художественно-философскую концепцию «Сновидения шамана» А. Кулаковского с эсхатологией «Трех разговоров» В. Соловьева.

Параллельно с русскими мыслителями, создателями философии всеединства, якутский поэт пришел к осознанию нерушимой целостности всей земной и космической сферы. Фактически он предвосхитил то, что сегодня получило название «нового мышления», а именно тесную взаимосвязь микрокосма человека и макрокосма мира, материального и духовного факторов, экономики, политики, культуры и нравственности, прошлого, настоящего и будущего.

Философия А. Кулаковского развивалась, в сущности, синхронно с учениями западных мыслителей. Одновременно с О. Шпенглером, автором известного сочинения «Закат Европы», он предвидел надвигающийся апокалипсис, глобальные мировые катаклизмы, превращение здоровой «культуры» в мертвую «цивилизацию». Параллельно с Х. Ортега-и-Гассетом задумываясь о феномене «толпы», о современной эпохе массовых миграций и контактов, он апеллировал к новой элите («интеллигенции»), способной, по его мнению, на свободный выбор и сохранение культуры.

Более того, в одном вопросе Кулаковский опередил современную ему мысль. Его настоящим прозрением явилась идея недостаточности и пагубности антропоцентрического подхода к миру. То есть речь шла о новой доминанте в самом понимании гуманизма: не только признание единства и взаимосвязанности мира, но самое главное – преклонение перед всем живым и его сохранение. К осознанию этой истины человечество приходит только сейчас, испытав все потрясения технотронно-потребительской цивилизации.

Вслед за Кулаковским ряд суждений о непреходящей роли русской и мировой литературы высказал П. Ойунский (1893–1939 гг.). В речи, произнесенной в 1937 г. по случаю 100-летней годовщины со дня смерти А. С. Пушкина, обращаясь к своим собратям по перу – якутским писателям, Ойунский прямо заявил, что мы «должны овладеть всем культурным наследством прошлых эпох, великими творениями гениев человечества», в число которых он включил, наряду с Шекспиром, Гете и Байроном, Пушкина, Толстого и Горького.

П. Ойунский в своих программных произведениях – философской драме-концепции «Красный шаман» (1925 г.) и повести-предании «Кудангса Великий» (1929 г.) – предпринял попытку в художественной форме осмыслить современную ему эпоху вселенских катаклизмов, объять национальное бытие в целом и включить его в «макрокосм» истории. Это привело его, как и Кулаковского, не просто к сложному синтезу национальных и общечеловеческих проблем, но к некой новой эстетической структуре, а именно – к принципу «космовидения» (Г. Беляя), позволившему соединить локальное и универсальное в новое художественное единство.

Как исследователь якутского фольклора П. Ойунский воспринимал и интерпретировал якутский героический эпос олонхо на уровне признанных эпических памятников народов мира, постоянно соотносил эпические песни якутов о богатырях с поэмами Гомера, Фирдоуси, Руставели. Как переводчик он первым начал перекачивать по «капиллярам» перевода в якутскую литературу «здоровую кровь» из русской и мировой классической поэзии.

Таким образом, в художественном плане якутская литература в лице А. Кулаковского и П. Ойунского предвосхитила опыт ряда молодых литератур стран Латинской Америки и Африки, а в плане философском поднялась на новый, «ноосферный» уровень понимания бытия человека и человечества, характерный для развитых литератур Запада.

В творческом наследии еще одного классика якутской литературы А. Софронова (1886–1935 гг.) с историко-функциональной точки зрения особый интерес представляет медитативная и философская лирика. Именно в его поэзии наше время высветило такие оттенки мыслей и чувств, которых не раскрыла вчерашняя эпоха. С одной стороны, в ней отразились черты национальной ментальности, а с другой – общечеловеческие стремления и помыслы. А. Софронов, как никто другой в якутской литературе, сумел передать смятение и взволнованность человека при виде ломки вековых устоев. Причем он сделал это с такой художественной силой и выразительностью, что его лирика воспринимается на уровне поэзии русского «серебряного века» и западноевропейской поэзии конца XIX – начала XX вв.

В качестве еще одной знаменательной для диалога культур поэтической фигуры может быть назван И. Арбита (И. Е. Слепцов, 1913–1943 гг.), чьи произведения «вернулись» к широкому читателю спустя полвека. Вслед за А. Софроновым и П. Ойунским он задал высочайший уровень мастерства для якутской поэзии. Это поэт необычайно широкого кругозора, искатель новых путей в литературе, обогативший якутскую поэзию тонким проникновением в жизнь человеческого сердца, глубокой философичностью и виртуозной техникой версификации. Духовный горизонт И. Арбиты определился под благотворным воздействием таких всемирно известных поэтов, как К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, Д. Байрон, Г. Гейне, Ш. Бодлер.

В творчестве первых якутских писателей естественно сочетались национально-фольклорные художественные начала и традиции русской и мировой классической литературы. Благодаря этому в короткий период своего относительно позднего, но интенсивного развития якутская литература не только породила целый ряд замечательных художников слова, но и превратилась в словесность, которая стала вносить свой вклад в общее литературно-художественное развитие и прочно вошла в общероссийское и мировое культурное пространство.

Современное восприятие проблемы художественных связей не сводится к одностороннему влиянию более развитой литературы на менее развитую. Напротив, происходил процесс установления культурных взаимосвязей и взаимодействий. В творчестве русских писателей, обращавшихся к теме Якутии, этот

опыт не мог не оставить следа. По большому счету можно сказать, что без Бестужева, Гончарова, Короленко Россия никогда бы по-настоящему не узнала Якутию и тем самым утратила бы что-то от знания самой себя.

Итак, якутская литература со времени своего возникновения и до наших дней никогда не была замкнутым феноменом. Она по праву считается одной из самых развитых и богатых по нравственно-философскому содержанию и художественному уровню среди младописьменных литератур. В ней и в прошлом, и в настоящем были и есть талантливые художники слова, достойные выхода на международную арену. Но сдерживающими факторами являются проблема перевода лучших произведений якутских писателей на иностранные языки и психология провинциализма, приводящая к недооценке и недопониманию художественных явлений.

Особенно актуальны проблемы взаимоотношения культур и разнообразия языков для многонациональных государств, к числу которых относится и наша страна [8]. Мы в Якутии методом проб и ошибок нащупываем правильный путь в языковой политике. У нас создана солидная правовая база функционирования языков по формуле «2+5+1», то есть развиваются два государственных (якутский, русский), пять официальных (эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский, чукотский) и один рабочий (английский) языки. В составе Якутского государственного университета (ЯГУ) три филологических факультета – филологический, якутской филологии и иностранных языков. Имеются несколько академических институтов гуманитарного профиля. Выполняется рекомендация Совета Европы об изучении учащимися школ двух иностранных языков. А среди временных заблуждений, которые мы уже преодолели, следует назвать чрезмерное внимание к обучению, с одной стороны, русскому, а с другой – якутскому языку. Кроме того, до недавнего времени существовал крен в сторону западноцентризма в преподавании иностранных языков, и лишь несколько лет назад в ЯГУ были открыты специализации по восточным языкам (китайскому, японскому, корейскому). Это в свою очередь связано с тем обстоятельством, что в XXI в. геополитические, экономические и прочие интересы Республики Саха (Якутия) так или иначе будут связаны с развитием связей и контактов не только с европейскими государствами, но и со странами Азии.

Факты и опыт культурных взаимосвязей, мирное сосуществование и взаимообогащение языков являются общим духовным и интеллектуальным достоянием народов Республики Саха (Якутия). Это залог согласия, взаимопонимания и уважения внутри нашего общего якутского дома. Это наш скромный вклад в многогранную деятельность ЮНЕСКО по поддержке языкового разнообразия и межкультурного диалога.

Литература

1. Переверзин В. М. Толерантность в свете философско-эстетических идей М. Бахтина // Переверзин В. М. Грани художественной правды. – Якутск, 1997.
2. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. – М., 2005. – С.150.
3. Там же. С. 152 – 152.
4. Бурцев А. А., Скрябина А. М. Диалоги в едином пространстве мировой литературы: Международные связи якутской литературы. – Якутск, 2004.
5. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Л., 1975.
6. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. – М., 1968.
7. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М., 1980.
8. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. – М., 2007.